

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

На правах рукописи

ЯКОБСОН
Владимир Аронович

УДК 935,4 (098,2)

ЗАКОНЫ ХАММУРАПИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

07.00.09

Историография и источниковедение

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ленинград. 1988 г.

Работа выполнена в Ленинградском отделении Института
востоковедения АН СССР

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, академик АН Арм. ССР Г.Х. Саркисян
доктор исторических наук Н.Б. Янковская
доктор исторических наук И.Ш. Шифман

Ведущая организация – Институт истории, археологии и этнографии
им. И.А. Джавахидзиди АН ГССР

Защита состоится в II час.
на заседании специализированного совета Д 003.01.06 при Ленинград-
ском отделении Института востоковедения АН СССР (191065, Ленинград,
Дворцовая наб. 18).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ЛО ИВ АН СССР

Автореферат разослан

Ученый секретарь специализированного совета, кандидат
исторических наук ШКОЛЯР С.А.

I. Общая характеристика работы.

Задача данной работы и ее актуальность определяются сле-
дующими обстоятельствами:

1. Текст, который в науке принято обозначать как "Зако-
ны Хаммурапи", является одним из важнейших источников по по-
литической, социально-экономической и культурной истории Ста-
ровавилонского периода и всей истории древнего Востока.

Этот текст, уникальный по своему объему и, что тоже нема-
ловажно, по степени сохранности, содержит сведения об идеоло-
гии государства и царской власти, об общественной, об экономи-
ческой и хозяйственной структуре, о социальных и экономических
отношениях в обществе, о характере собственности, о семейных
отношениях, о представлениях о справедливости, о судебном про-
цессе и системе наказаний и, наконец, о решении конкретных
юридических казусов. В неявной форме в нем содержатся также
представления о способах систематизации и изложения норматив-
ных установлений.

2. Для обнаружения и правильного понимания всех этих све-
дений решающее значение имеет правильное определение характе-
ра данного источника. Название "Законы Хаммурапи" было дано
нашему тексту еще его первым издателем В. Шейлем и стало тра-
диционным. Однако многие ассириологи оспаривали и оспаривают
правомочность этого названия. В оригиналах все клинописные тек-
сты назывались по их первой строке, что, разумеется, ничего не
говорит нам о характере текста. В современной ассириологии су-
ществует по меньшей мере четыре существенно различные оценки
текста, являющегося предметом нашей работы: "Законы Хаммурапи" –
это а/ Кодекс законов, т.е. систематизированный сборник действу-

ящего права /или, по меньшей мере, он был задуман в качестве такового/; б/ Рыхлый, неполный и бессистемный сборник правовых норм, не имевших общеобязательного значения; в/ Юридический трактат, вообще не имевший правовой силы; г/ Самовосхваление царя, не имевшее ни силы закона, ни даже значения прецедента. До тех пор, пока в этот вопрос не будет внесена необходимая ясность, любые попытки использовать текст "Законов Хаммурапи" в качестве исторического источника будут лишены надежной основы.

3. Таким образом, цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить сущность текста "Законов Хаммурапи", его собственную роль в жизни общества Старовавилонского периода и его роль как исторического источника для современного исследователя. Этим же определяется и актуальность предлагаемой работы.

Новизна данной работы определяется комплексным подходом к изучаемому тексту. Возможности исследования данного текста "изнутри", т.е. путем филологического и юридического анализа, в основном уже исчерпаны. Две капитальные работы, выполненные с применением этих методов /И.М. Дьяконов, Я.М. Магазинер, Законы Хаммурапи, ВДИ № 3, 1952; G.R.Driver and J.C.Miles, The Babylonian Laws, vol. I-II, Oxford 1955-1956 /, стали классикой ассириологии, прочной базой для любого дальнейшего исследования. Частные работы последующего времени суммированы в монографии J.Klima, Nejstarší zákony lidstva, Praha 1979. Разумеется, это не означает, что на этом пути сделано уже все возможное, и потому филологический и юридический анализ занимают в предлагаемой работе важное место. Но необходимо сделать следующий шаг: исследовать "Законы Хаммурапи" в связи с миним-

мально возможным количеством других текстов, не только юридического содержания, но вообще любых текстов, учет которых поможет ответить на основной вопрос, сформулированный выше. Иначе говоря, необходимо выявить место и роль нашего текста и отдельных его составных частей в жизни старовавилонского общества, идеологические и социально-психологические мотивировки его создателей. Различие между этими двумя видами мотивировок состоит в том, что первые /идеологические/ так или иначе сформулированы в текстах, хотя могут и присутствовать в них лишь имплицитно. Вторые всегда присутствуют лишь имплицитно, и потому их обнаружение сталкивается со значительно большими трудностями.

Источники. Центральным объектом исследования является, естественно, сам текст "Законов Хаммурапи", издававшийся и переиздававшийся /в копиях, транслитерациях и переводах на различные языки/ несколько десятков раз, в том числе трижды в переводах на русский язык. Этот текст написан на классическом старовавилонском языке и, благодаря успехам ассириологии, серьезных филологических трудностей /т.е. трудностей на уровне первичного понимания текста/ в настоящее время практически не содержит. Однако с его интерпретацией /как в целом, так и на уровне его отдельных составных частей/ дело обстоит совершенно иначе, и здесь, как указано выше, существуют большие разногласия.

Второй категорией источников являются деловые документы, опубликованные в различных изданиях, главным образом, только в копиях /не всегда достаточно хороших/. Старовавилонские скорописные почерки являются наиболее трудной для чтения разно-

видностью клинописи. К тому же эти тексты изобилуют шумеризмами и фактически написаны на своеобразной смеси шумерского /далеко не всегда грамотного/ и аккадского языков. Эти обстоятельства, усугубляемые крайней лаконичностью текстов, чрезвычайно затрудняют даже первичное понимание деловых документов, не говоря уже об их интерпретации.

Последней большой группой текстов, привлекаемых к нашему исследованию, являются частные и официальные письма. Здесь к трудностям, указанным выше /за вычетом шумерского языка/ присоединяется еще одна: в письмах идет речь о вещах, хорошо известных участникам переписки, но, как правило, не известных нам. Но как источники письма чрезвычайно важны, подчас неопценимы. Важнейшее издание писем, использованных для данной работы – серия *Altbabylonische Briefe*, где письма изданы в транскрипции и переводе /к настоящему времени издано 10 томов/, но нами использованы также и другие издания.

Наши чтения и переводы в ряде случаев расходятся с теми, которые даны издателями.

Наконец, для нашего исследования привлечены и многие другие источники – законодательные памятники, царские надписи, силлабарии, списки предзнаменований, "научные" сочинения Старовавилонского периода, эпические поэмы и т.п., т.е. любые тексты, которые могут содержать интересующую нас информацию.

Методологическая основа этого диссертационного сочинения состоит в последовательном применении марксистско-ленинской теории общественного развития к нашим материалам. Особенно

важное значение для данной работы имеют высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о сущности и функциях государства и права в древ-

ности, а также о взаимоотношениях различных классов и слоев древнего общества. Они, как и общетеоретические положения марксизма о базисе и надстройке, их взаимоотношениях и взаимном влиянии друг на друга сыграли ключевую роль при решении ряда конкретных проблем, в частности, вопроса о стадиях развития древнемесопотамской государственности, об идеологии царской власти, о возникновении и развитии законодательства в древней Месопотамии.

Практическое значение данного исследования /если его выводы будут приняты/ состоит в решении важнейшей источниковедческой проблемы, указанной выше и, тем самым, решении вопроса о достоверности любых выводов, делаемых из текста "Законов Хаммурапи". Существенное практическое значение для историков имеют также и частные выводы относительно ряда конкретных положений этого текста. Работа над текстом "Законов Хаммурапи" и другими связанными с ним текстами позволила также сделать ряд общетеоретических выводов, которые, как мы надеемся, помогут при исследовании других текстов подобного рода и других обществ древности. Все основные положения данной работы уже опубликованы и учтены при подготовке нового издания "Истории древнего Востока" /часть первая, М., 1983/ и трехтомной "Истории древнего мира" /изд. 2-е, М., 1987; изд. 2-е, исправленное и дополненное, М., 1983; в настоящее время готовится третье издание/. Они используются также для преподавания истории древнего Востока на исторических факультетах университетов и педагогических институтов, в том числе и самим автором при чтении спецкурсов на Восточном факультете Ленинградского университета и на историческом факультете Ворошиловград-

ского педагогического института. Переводы /с комментариями/ ряда законодательных памятников включены в Хрестоматию по истории древнего Востока /М., 1980 г./ для исторических факультетов.

Апробация работы. Основные положения данной работы были доложены и обсуждены:

1. На заседании Ученого совета ЛО ИВАН в 1977 году.
 2. На годичной научной сессии ЛО ИВАН /совместно с ЛО ИА/, посвященной столетию со дня смерти К. Маркса /1983 г./.
 3. На Всесоюзных конференциях по древнему Востоку в 1965-1983, годах.
 4. На УШ Всесоюзной конференции "Вестника древней истории" в 1981 году.
 5. На Всесоюзной научной сессии в Гос. Эрмитаже в 1984 году.
 6. На II Всесоюзной научно-методологической конференции "Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете" /Даугавпилс, 1985/.
 7. На XI-й Международной конференции ассириологов /Ленинград, 1984 г./.
 8. На обсуждении проблемы "Государство и право на древнем Востоке" /Круглый стол журнала "Народы Азии и Африки", 1983 год, опубликовано в 1984 г., НАА 2, 3/.
- Диссертация обсуждена на заседании Сектора древнего Востока ЛО ИВ АН СССР

Структура работы. Работа состоит из "Введения", трех глав, "Заключений", списка сокращений и списка использованной

литературы /включая издания источников/. Глава третья, в свою очередь, состоит из восьми разделов, соответствующих предлагаемому разделению текста "Законов Хаммурапи". В главу вторую включен один "Экскурс", а в главу третью – 9 "Экскурсов". Эти экскурсии посвящены связям текста "Законов Хаммурапи" в целом и отдельных его частей с повседневной жизнью, с функционированием общества и государства.

II. На защиту выносятся следующие основные положения:

I. Для понимания сущности и значения текста ЗХ как источника по истории древней Месопотамии недостаточно филологического или историко-правового анализа самого текста, либо даже совмещения этих методов. Необходимо определить его историю и место в жизни древнемесопотамского общества, что можно сделать лишь с привлечением максимально возможного числа прямых и косвенных свидетельств.

2. Политическое развитие в древности проходит через стадии "номового" государства, централизованного государства и империи, различными средствами обеспечивающих экстенсивное увеличение размера прибавочного продукта. Держава Хаммурапи – первое в истории Месопотамии централизованное государство. В Законах Хаммурапи впервые сформулирована и соответствующая идеология, трансформировавшаяся затем в идеологию империи и, несмотря на все видоизменения, дожившая до Нового времени уже в виде реакционных теорий "Третьего рейха" и т.п.

2. Право возникает вместе с государством как выражение и результат борьбы между различными слоями нарождающегося и развивающегося гражданского общества. В древней Месопотамии пра-

витель постоянно ощущал давление социальной психологии, воспринимавшей его все еще как вождя, обязанного заботиться обо всех: Писаное право в Месопотамии возникает из напписей, повествующих о деяниях правителя и, в частности, о принимаемых им мерах по исправлению и предотвращению "несправедливости".

3. Право ранней древности развивается почти независимо от религии.

4. В ранней древности мы имеем дело с дотеоретической стадией развития права, когда еще не сформулированы его основные принципы и категории и не разработана его терминология. Эти обстоятельства необходимо постоянно иметь в виду для избежания модернизации и других подобных ошибок в понимании и оценке древнего права.

5. "Законы Хаммурапи" имеют довольно четкую внутреннюю структуру, а переход от одного предмета регулирования к другому осуществляется по ассоциативному принципу.

6. Содержащиеся в них основные представления еще не нашли абстрактных формулировок и выражены казуистически.

7. Царь в древней Вавилонии не был верховным судьей.

8. Почти все положения "Законов Хаммурапи" находят свое подтверждение в документах повседневной жизни.

9. Текст, именуемый "Законы Хаммурапи", представляет собой более или менее исчерпывающее собрание реально действовавших правовых норм /"кодекс"/, чем и определяется его значение в качестве важнейшего и достоверного исторического источника.

III. Содержание работы.

Во "Введении" формулируется задача данного исследования: определить значение текста "Законов Хаммурапи" как исторического источника и выявить содержащиеся в этом источнике сведения по политической и социально-экономической истории древней Месопотамии, по ее культуре, идеологии и социальной психологии.

До сих пор точки зрения исследователей на этот текст существенно расходятся. Название "Законы Хаммурапи" было дано этому тексту при первой его публикации, и правомерность такого определения многими оспаривается. Однако все сходятся на том, что данный текст имеет то или иное отношение к праву. В нашей работе клинописное право рассматривается как единая система, единое культурное явление, имеющее местные варианты. Именно поэтому любой источник, относящийся к этой области культуры, требует комплексного исследования с привлечением всех других возможных свидетельств. Наш источник должен быть исследован "изнутри" методами филологического и историко-правового анализа. Но не менее, а может быть и более важно исследовать его "извне" – в соотношении и во взаимодействии с другими современными, а также предыдущими и последующими памятниками. Только такое комплексное исследование может определить роль исследуемого памятника в жизни породившего его общества и тем самым – его значение и смысл в качестве исторического источника. Для целей нашего исследования привлечены как сам текст "Законов Хаммурапи", так и другие памятники аналогичного характера, а также царские напписи, деловые документы, частные и официальные письма, литературные произведения и ряд тек-

стов, входивших в учебный "канон", т.е. использовавшихся для подготовки писцов. Каждая из этих групп текстов представляет специфические трудности для исследования и требует особого подхода. Не менее трудной задачей является и обнаружение среди многих тысяч текстов Старовавилонского и предшествующего периодов тех, которые имеют значение для нашего исследования. Наконец, и среди этих текстов необходимо отобрать то их количество, которое обозримо в одном исследовании строго ограниченного объема.

Структура данного исследования определяется структурой текста, являющегося его предметом.

Глава I "Представления о государстве в Старовавилонский период" посвящена исследованию идей государственности, содержащихся в "Прологе" ЭХ.

Во времена Хаммурапи борьба за создание централизованного государства в Месопотамии насчитывает уже несколько столетий. В основе лежат, разумеется, не личные амбиции того или иного правителя, но причины экономического характера.

Новорожденное государство для своего дальнейшего развития требует все возрастающего количества прибавочного продукта. Этого, однако, невозможно достигнуть путем увеличения интенсивности эксплуатации, ибо уже в Раннединастическом периоде она, видимо, достигла своего физического предела. Что же касается производительности труда, то она в Месопотамии в III–II тыс. до н.э. не только не росла, но даже уменьшалась /средства производства оставались прежними, а урожайность падала из-за истощения и засоления земли/. Не росло также и население. По указанным причинам увеличение размера прибавочного продукта

могло быть лишь экстенсивным – путем ограбления соседей, неэквивалентной торговли, либо путем расширения своих границ и, тем самым, увеличения числа населения. В истории Месопотамии первые войны между "номами" велись именно с грабительскими целями. В дальнейшем предпринимаются попытки объединения более или менее значительной части Месопотамии, а затем и всей Месопотамии. Такие объединения, однако, оказывались недолговечными. Создание более или менее крупного государственного объединения представляет собой как бы соединение всех трех вышеуказанных способов увеличения прибавочного продукта /с доминирующей ролью двух последних/. Однако в условиях Месопотамии старые "номовые" центры не превращались в экономических партнеров друг друга, а оставались экономическими и политическими соперниками, центробежные силы длительное время преобладают. Вопреки общепринятому мнению, этому упорному партикуляризму не препятствовали и потребности в орошении: в Месопотамии не было и не могло быть единой оросительной системы. Хотя следует отметить, что периоды мира безусловно способствовали сохранности местных оросительных систем.

Термин "империя" нередко применяется к державе Хаммурапи и даже к более ранним государственным образованиям, что, по нашему мнению, неверно. Империя есть государственное образование, чьи пределы существенно шире того этнокультурного региона, где оно возникло и выросло. Империя включает в себя несколько таких регионов, находящихся на разных стадиях общественного развития и экономически дополняющих друг друга. Ее экономические связи в основном направлены внутрь, а не за ее пределы, а ее составные части из соперников превращаются

в партнеров. Этим и объясняется относительная устойчивость империй: верхние слои населения провинций выступают, как правило, против попыток выйти из империи. Понятно, что внутренняя устойчивость империи определяется тем, насколько удачно "подобрались" ее составные части, и это, разумеется, было делом случая. "Естественная смерть" империи наступает вследствие выравнивания экономических условий в разных ее частях, что вновь превращает их из партнеров в соперников, приводит к росту центробежных сил и, в конечном счете, к распаду империи /ср. Римскую империю единственную из империй древности, дожившую до своего "естественного конца"/.

Первой империей в истории, на основании вышеизложенных соображений, следует считать Ассирийскую державу /I тыс. до н.э./ . В Старовавилонское время /первая половина II тыс. до н.э./ идет борьба за создание крупного централизованного государства.

Выше были изложены социально-экономические движущие силы этого процесса. Он нашел свое выражение также и в идеологических переменах.

Наиболее ранним из известных ныне текстов, выражающих политические и, особенно, государственные идеи является "Шумерский царский список". Вопрос о его датировке все еще остается спорным, наиболее вероятная дата – время III династии Ура. Впоследствии "Список" был дополнен: в него включили всех царей I династии Иссина. Вопрос о том, почему он не получил дальнейшего продолжения, внимания исследователей до сих пор не привлекал.

Всеми признано, что "Шумерский царский список" составлен

с целью "доказать", что в Месопотамии от начала времен существовала единая царская власть /"царственность"/, лишь перемещавшаяся из одного города в другой. Это перемещение происходило по воле богов и, возможно, в связи с переходом первенства от одного бога к другому. Каждое такое перемещение /по некоторым вариантам "Списка"/ совпадало с военным поражением и разорением прежней "метрополии". Из других текстов видно, что постоянное перемещение "царственности" из одного города в другой есть необходимая составная часть миропорядка.

Таким образом, согласно этой древнейшей теории государства, единая царская власть в Месопотамии существовала "всегда", но ее местопребывание время от времени менялось и, следовательно, будет меняться и впредь, причем силой оружия.

Следующий шаг в развитии идей государственности был сделан в Прологе "Законов Хаммурапи": здесь Вавилон объявлен вечным обиталищем царственности, а бог Вавилона Мардук выдвигается на первое место среди богов. Этот отход от идей "Царского списка" был, видимо, облегчен еще и облегчен существованием особой аморейской хронологической и генеалогической традиции /династия Хаммурапи была аморейской/.

Имеются косвенные свидетельства того, что эти идеологические и теологические перемены вызвали идеологическую оппозицию /т.наз. "Лагашский список"/. Цель авторов этого "Списка" состояла, по-видимому, в том, чтобы показать, что власть энси Лагаша старше "царственности" /и, следовательно, по понятиям того времени, почтеннее/, а концепции перехода власти противопоставить непрерывность, преемственность и независимость власти правителей Лагаша. Партикуляризм старинных "номовых" цент-

в порождает, следовательно, не только открытые мятежи, но и для эратурную контрпропаганду.

Хилиастической идее, провозглашенной Хаммурапи, была суждена исключительно долгая жизнь. Prestиж Вавилонского царства и Вавилона был чрезвычайно высок, и даже ассирийцы, захватив тысячелетие спустя Вавилонию, не превратили ее в провинцию своей державы. Вместо этого ассирийские цари стали короноваться также и вавилонской короной. То же самое делали позднее и персидские цари, и возможно, что последним, кто совершил обряд "прикосновения к рукам Бела /Мардука/" был Александр Македонский. Прямых сообщений об этом нет, но, видимо, не случайно он избрал своей столицей именно Вавилон.

В ходе дальнейшего своего развития идея гегемонии города трансформировались в идею гегемонии мировой державы, впервые сформулированную в библейской "Книге Даниила". Христианство перенесло эту идею на европейскую почву в виде концепции *translatio imperii*, согласно которой последним и конечным обладателем власти над миром является Римская империя. Отсюда то упорство, с которым до 19-го века н.э. поддерживалась фикция "Священной Римской империи", отсюда же – идея "Москва – третий Рим, четвертому не бывать". Здесь же берут начало и наиболее мрачные гегемонические идеи новейшего времени.

Глава II "Происхождение писаного права в древней Месопотамии" посвящена вопросу о том, как возникает право вообще, чем определяется его содержание и как возникло и развивалось оно в древней Месопотамии.

Вопрос о причинах возникновения права и его социальной функции с исчерывающей полнотой исследован в трудах классиков

марксизма-ленинизма. Гораздо меньше ясности в вопросе о том, как оно возникает и чем определяется его форма и содержание.

В целях "чистоты эксперимента" вопросы эти следует изучать на примере таких обществ, где возможность заимствования готовых концепций и форм заведомо исключена, т.е. на примере древнейших цивилизаций. Для этого необходимо, чтобы такие цивилизации оставили нам достаточное количество текстовых материалов, что зависит от целого ряда факторов, в том числе и случайных – таких, например, как стойкость материалов, употреблявшихся для письма. С учетом этих факторов наиболее подходящим из всех древних обществ является Месопотамия, откуда до нас дошли сотни тысяч юридических и хозяйственных документов.

Эта цифра, однако, не должна внушать и чрезмерного оптимизма. Даже в среднем на один год трехтысячелетней месопотамской истории приходится на более сотни документов. В реальной же действительности нам известно для некоторых эпох в несколько раз большее число документов, зато другие эпохи практически не документированы вовсе. К тому же значительная часть документов группируется вокруг немногих лиц и семей, из чего следует, что огромное большинство населения древней Месопотамии не оставило вообще никаких документов. Это обстоятельство, видимо, делает бесполезными почти любые статистические выкладки, делаемые на основе дошедших до нас текстов.

Теоретически правовые памятники могут быть разделены на три группы:

1. Памятники позитивного права, т.е. законы, указы, "судебники", частные кодификации и т.п.
2. Памятники правовой практики – контракты, судебные про-

токолы и решения и т.п.

3. Памятники правовой доктрины.

Кроме того, косвенные, но важные сведения о праве могут быть извлечены практически из любых разновидностей документальных памятников, если рассматривать их под соответствующим углом зрения.

При исследовании всех этих категорий мысленных памятников, необходимо помнить, что мы имеем дело с "дотеоретическим" правом, не знающим ни абстрактных категорий, ни четкой терминологии. Игнорирование этого обстоятельства является причиной различного рода aberrаций и модернизаторства, что проявляется, в частности, в попытках обнаружить в древнем праве то, чего в нем нет и не может быть, или, с другой стороны, в оценке этого права как "несовершенного".

Хотя право всегда является письменным, оно не обязательно имеет форму закона. Так обстояло дело и в Месопотамии.

Древнейшие из ныне известных месопотамских текстов, имеющих законодательный характер, восходят еще к Раннединастическому периоду /"Овальная пластинка" Эмметены, "Реформы" Уруинимгины/. Это еще не законы в собственном смысле слова, но лишь рассказы о деяниях правителей, направленных на поддержание справедливости /наряду с другими их деяниями/.

"Реформы" Уруинимгины в действительности были не реформами, а попыткой реставрации прежних порядков /как они понимались современниками "реформ"!/ или, иначе говоря, попыткой /разумеется, неосознанной/ задержать развитие классового общества. Почему же предпринимались такие попытки?

Как известно, право есть возведенная в закон воля господ-

ствующего класса. Но необходимо помнить, чем определяется содержание этой воли и насколько она едина в обществе, где господствующий класс – все гражданское население. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу /Соч. т. 28, стр. 368/ высказал мнение, что римская история /до Августа/ "явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной". Это тонкое наблюдение К. Маркса чрезвычайно важно для понимания многих черт древнего общества в целом и его права в частности. В Месопотамии эти противоречия между различными слоями гражданского общества находили свое крайнее выражение в экспроприации рядовых общинников, влекшей за собой /в отличие от древнего Рима/ утрату гражданских прав и переход в сословие "царских людей", низшие слои которых на практике мало чем отличались от рабов.

Между тем, в ранней древности длительное время продолжают существовать многие институты первобытно-общинного строя и присущей ему идеологии и социальной психологии. С точки зрения этой идеологии и психологии возникновение резкой имущественной дифференциации и обезземеления части общинников являлись нарушением древнего порядка – едва ли не всего микропорядка. Правитель же рассматривался еще в значительной степени как племенной вождь, обязанный заботиться в равной степени обо всех. Это не могло не влиять и на представления самого правителя о своих задачах и функциях, равно как и о методах их осуществления. Поэтому, когда Уруинимгина заявляет, что цель его "реформ" состоит в том, "чтобы сироте и вдове сильный не причинял ничего дурного", то здесь следует видеть отзвук древней идеологии общинной взаимопомощи. Эта формула ко-

чает затем из одного памятника в другой, приобретая законченный вид в "Законах Хаммурапи". Было бы грубой вульгаризацией видеть здесь одну лишь "социальную демагогию". Реальное проявление заботы о "сырых и убогих" видно в т. наз. "эдиктах о справедливости", на основании которых кассировались долги, а проданные земли возвращались их прежним владельцам. Такие акты издавались до конца месопотамской цивилизации, но именно это показывает, что остановить процессы социально-экономического развития они, разумеется, не могли.

Чисто законодательные памятники развились из царских надписей, сообщавших, в числе прочих достопамятных деяний правителя, также и о его "реформах", "эдиктах" и прочих мероприятиях подобного рода. Установления, имевшие постоянную силу и неограниченный срок действия, выделялись в самостоятельный жанр клинописных текстов, получивший законченную форму при Хаммурапи.

В отличие от всех своих предшественников, держава Хаммурапи – это не гегемония древних правителей и не личная уния, а первое в истории Месопотамии централизованное государство в точном смысле этого слова. История борьбы за создание такой державы насчитывала ко времени Хаммурапи уже пять столетий. Но все предшествовавшие царству Хаммурапи крупные политические образования сохраняли номовую структуру, и во главе этих номов стояли энси, пусть и не всегда наследственные, но проходившие в своих номах обряды посвящения, равносильные коронации. А цари III династии Ура короновались по меньшей мере в трех городах – Нишпуре, Уре и Уруке. Значительную, хотя и не вполне ясную роль продолжало играть и народное собрание, а ца-

ри III династии Ура подчеркивали, что они лишь стоят во главе совета правителей "номов". Равным образом, и эфемерная держава Шамши-Адада представляла собой нечто вроде конфедерации.

В ходе этой борьбы за создание централизованного государства существенно меняется роль старых "номовых" центров, ставших противвесом этим централизаторским устремлениям. До сих пор не обращалось должного внимания на важный факт: все столицы крупных государственных образований в течение всей истории месопотамской цивилизации были поначалу незначительными либо даже специально отстроенными городами, что позволяло царям отделяться от могущественной знати старинных и почитаемых храмовых городов. Борьба царей с городами завершилась своеобразным компромиссом: города получают привилегии, а цари отказываются от притязаний на божественность. И в дальнейшем благополучно правят лишь те цари, которые соблюдают этот неписанный договор.

В "Прологе" своих "Законов" Хаммурапи, перечисляя свои благодеяния все важнейшим городам Месопотамии, тщательно избегает даже намеков на личную связь с каким-либо из них, кроме Вавилона. Титул энси /акк. ишшаккум/ становится при нем наименованием одной из низших категорий царских людей. Что же касается его "Законов", то их следует считать законами в точном смысле этого слова /разумеется, с учетом всего сказанного выше об особенностях раннего права/.

В приложенном к данной главе Экскурсе I на основании документов частной практики и ряда других текстов рассматривается вопрос о характере и действии "эдиктов о справедливости" и других законодательных актах и их терминологии. Приведенные

здесь материалы позволяют сделать вывод, что в рассматриваемый период /да и позднее/ аккадский язык не знает терминов, точно соответствующих нашим терминам "закон" и "право". Тем не менее, существовало общее, хотя и расплывчатое, представление о постоянных и общеобязательных установлениях верховной власти, выполнявших именно эти функции и обозначавшихся целым рядом слов, имевших менее узкое значение.

Глава III. Система Законов Хаммурапи и их содержание посвящена анализу собственно законодательной части этого источника.

Целью правотворчества в ранней древности является не столько создание нового права, соответствующего происшедшим в обществе изменениям, сколько попытки сохранить старые "идеальные" порядки, уже утрачивающие свой экономический базис. Но, с другой стороны, реальная действительность вынуждала законодателей делать все новые уступки новому положению вещей.

От учета этого обстоятельства зависит понимание структуры текста и ряда важных особенностей его содержания, например, тех или иных "лакун". От правильного понимания структуры текста зависит также и интерпретация отдельных его положений.

В научной литературе часто встречаются указания на "неполноту" и "казуистичность" Законов Хаммурапи, на основании чего им отказывают в праве именоваться кодексом. Однако принцип исчерпывающей полноты законодательства древнему праву просто не был известен. Что же касается казуистичности, то она объясняется тем, что ряд абстрактных правовых категорий /правоспособность, дееспособность, вина и т.п./ еще не был сформулирован, хотя и существовал и виде очень общих и смутных представлений, выражавшихся казуистически. В ряде же случаев

казуистичность вообще является мнимой: вавилонские юристы видели самостоятельные "составы преступления" в ряде случаев, которые современный юрист, не задумываясь, отнес бы в общую рубрику.

Своеобразным был и способ систематизации, построенный на ассоциативном принципе группировки предметов регулирования. С современной точки зрения он, разумеется, крайне неудобен, но для вавилонских юристов имел то преимущество, что позволял сразу рассматривать тот или иной предмет правового регулирования во всех возможных аспектах.

Положения Законов Хаммурапи по своему содержанию могут быть разделены на следующие группы:

I. Отправление правосудия /§§ 1-5/.

II. Охрана собственности царя, храма, общинников и царских людей /§§ 6-25/.

III. Охрана имущества, полученного от царя за службу /§§ 26-41/.

IV. Операции с недвижимостью и деликты в отношении недвижимости /§§ 42 - K/.

V. Торговля и иные коммерческие операции, включая также и деликты в этой области /§§ L - I26/.

VI. Семейное право /§§ I27-I95/.

VII. Умышленные и неумышленные телесные повреждения /§§ I96-2I4/.

VIII. Операции с движимым имуществом, включая наем имущества и личный наем, а также деликты в этой области /§§ 2I5-282/.

Раздел I. Отправление правосудия.

В этом разделе формулируются основные принципы отправле-

ния правосудия. Доказательствами по ЭХ являются свидетельские показания и документы, а в тех случаях, когда по самой своей сущности факт не может быть установлен на их основе /чародейство, прелюбодеяние и т.п./ – ордалия /клятва или испытание водой; возможно, существовали и другие виды ордалии/. К оракулам, в отличие от древнего Египта, не прибегали. Вавилонское право носит, таким образом, секулярный характер. Процесс является состязательным и устным, каждая сторона обязана доказывать свои утверждения. Попытки к свободным людям не применялись, а к рабам – только с разрешения их господ.

Основным принципом наказания, проведенным в ЭХ очень последовательно, был талион. Вопреки господствующей до сих пор точке зрения, это был не пережиток первобытно-общинного строя, а нововведение, связанное с возникновением представления об индивидуальной вине и индивидуальной ответственности взамен прежнего представления о коллективной вине и коллективной ответственности. Наказания же постепенно приобретают все более публичный характер.

Наконец, необходимо отметить, что старовавилонскому праву было известно представление о недопустимости повторного рассмотрения дела по тем же основаниям, хотя четко этот принцип сформулирован не был. Такой вывод сделан на основе новой интерпретации § 5

Экскурс II „Судебная практика“ посвящен рассмотрению наиболее интересных документов „уголовного“ и „гражданского“ процесса. Малочисленность дошедших до нас документов этого рода объясняется либо тем, что решения большей частью объявлялись устно, а показания не протоколировались, либо тем, что мы не

всегда в состоянии выделить эти документы. Институт исковой и приобретательной давности вавилонскому праву известен не был. Вопреки общепринятой точке зрения, царь не являлся верховным судьей, а судебные инстанции отсутствовали.

Раздел II „Охрана собственности царя, храма, общинников и царских людей.“ Здесь рассматриваются положения, устанавливавшие наказания за кражу и другие посягательства на чужое имущество. Предложено новое истолкование § 7: его надлежит понимать как казуистическое выражение представлений о недееспособности несовершеннолетних и рабов. Рассматривается вопрос о различиях, проводимых в ЭХ между кражей и грабежом, и делается вывод, что законодатель различает их вполне четко.

Раздел III „Охрана имущества, полученного за службу.“ Этот раздел посвящен не „служебным обязанностям“ воинов и других лиц, как обычно считается, а именно их служебному имуществу. Такой подход позволяет дать новую трактовку § 26: редум карается не за дезертирство, а за то, что, полав на службу вместо себя другое лицо и, тем самым, утратив право на служебный надел, продолжает пользоваться этим наделом, т.е. как вор. Редум, бросивший свое имущество и ушедший /т.е. именно „дезертир“/ наказанию не подлежит и даже, в случае возвращения, получает служебный надел обратно. Основная цель данного раздела законов – не допустить, чтобы служебное имущество использовалось не по прямому назначению. Именно поэтому воин, продавший или обменявший свой служебный надел, не только не несет наказания, но получает надел обратно полученную плату /приплату /. Иначе говоря, служебные наделы запрещено покупать: общий принцип неотчуждаемости такого имущества не сформулирован, но выражен

казуистически. В целом отношение общества к отчуждению земли было негативным. Такое отчуждение почти никогда не было добровольным, но происходило под давлением со стороны покупателя (как правило, кредитора по просроченному неоплаченному долгу). Не существовало и общего представления о цене земли, ибо земля не стала еще "товаром". Этим объясняются и резкие колебания цен на землю (в 20 раз). Именно такое отношение общества к отчуждению земли и было побудительным мотивом к изданию "эдиктов", аннулирующих такие сделки и долги в рост. Тесная взаимосвязь этих двух социальных бедствий была понятна и тогда.

Экскурс III. "Купля–продажа жреческих должностей."

В данном экскурсе рассматриваются своеобразные тексты, фиксирующие куплю–продажу жреческих должностей. Документы о продаже каких–либо других должностей не известны, возможно, потому, что жреческая должность была единственной, отчуждение которой было "чистым", т.е. не сопровождалось отчуждением должностного земельного надела. Отчуждается всегда "черед" служб, ограниченный определенным сроком. Цена колеблется от одного сикля до 15 ше в день и, очевидно, зависела от дохода, приносимого той или иной должностью. Сами должности могли быть различными, причем одно и то же лицо могло обладать одновременно несколькими должностями. Вавилонское жречество не составляло замкнутой корпорации и входило в число прочих служителей храма (поваров, привратников и т.п.). На жреце не лежало какой–либо специальной "благодати" и для исполнения жреческой должности (кроме, возможно, некоторых высших должностей) не требовалось специального посвящения, поэтому обязанности служи-

теля храма мог выполнять любой полноправный общинник.

Исполнение жреческих должностей по "чередам" было, видимо, широко распространено в древней Передней Азии. В Вавилонии времени I Вавилонской династии большинство горожан (если не все), видимо, уже имело отношение к храмам, т.е. превращение города в гражданско–храмовую общину зашло весьма далеко уже в первой четверти II тыс. до н.э.

Раздел IV. "Операции с недвижимостью и деликты в отношении недвижимости."

Законы Хаммурапи уделяют большое внимание различным видам аренды, что указывает на важность этого института. ЗХ знают два вида аренды земли: с уплатой вперед и с уплатой доли урожая. Во втором случае реальный доход хозяина земли зависит от урожая, т.е., от добросовестного исполнения арендатором своих обязанностей по возделыванию земли. Поэтому в ЗХ специально предусмотрена ответственность арендатора, плохо возделавшего или совсем забросившего поле. С другой стороны, ограждаются и интересы арендатора. Так, если урожай погиб вследствие стихийного бедствия, но арендная плата уплачена вперед, убыток лежит на арендаторе. Если же уплата предполагалась лишь после уборки урожая, хозяин поля делит убытки с арендатором. Арендатор, в случае убытков, происшедших не по его вине, может продлить арендный договор. На практике, вероятно, аренда возобновлялась постоянно, превратившись в конце концов в эмфитевзис – наследственную аренду, хорошо известную на Ближнем Востоке.

Защита "слабого" против "сильного" находит свое отражение

в ряде норм, посвященных различного рода мнимым арендным сделкам, когда должник, неспособный выплатить долг, отдает в "аренду" кредиторю свое поле или сад (иногда с уже выращенным урожаем) для покрытия долга (значительно меньшего, чем доход "арендатора"). Такие сделки закон запрещает.

Дальнейшие нормы этого раздела посвящены различного рода ущербу, причиняемому полям вследствие недостаточного надзора за оросительными сооружениями, а также вследствие потрав полей выпасаемым мелким скотом. За такой ущерб уплачивается компенсация в полном размере, а сверх того – штраф.

Следующая группа норм посвящена регулированию отношений по поводу садов (аренда, деликты и т.п.). В построении этой группы, в порядке следования ее норм друг за другом очень ярко виден принцип систематизации "по смежности".

Раздел завершается группой норм, касающихся жилых строений. Часть текста здесь разрушена, вследствие чего он не всегда понятен. Из этой группы норм извлекаются весьма любопытные сведения о взаимоотношениях соседей в условиях крайне тесной городской застройки с вкрапленными в нее заброшенными участками.

Экскурс IV „Арендные сделки“ содержит ряд деловых документов, посвященных аренде. Из документов видно, что главным объектом земельной аренды являются различного рода служебные наделы. Два из приведенных здесь документов являются иллюстрацией к тем положениям ЭХ, которые устанавливают ответственность недобросовестного арендатора (хотя сами эти тексты ссылки на закон не содержат). В целом и документы об аренде земли, и документы об аренде домов, а также и другого имущества (кораблей, мельниц) показывают, что практика того времени не расходилась с

соответствующими положениями Законов Хаммурапи.

Экскурс V „Отчуждение недвижимого имущества“

Основную часть представленной в этом экскурсе группы деловых документов составляют сделки купли-продажи жилых строений (домов или, чаще, частей домов). Выше уже отмечалось, что вовлечение в торговый оборот пахотных земель было процессом медленным и трудным, встречавшим решительное сопротивление со стороны общественной психологии и со стороны властей. Напротив, дома и земельные участки в городе вовлекались в оборот весьма активно. То же самое, хотя и в меньшей степени, относится и к финиковым садам. Дома почти никогда не продаются целиком. Цены за единицу площади различаются в десятки раз. Резонно предположить, что, как и в случае цен на пахотную землю, за такими колебаниями цен стоят некие взаимоотношения между покупателем и продавцом, т.е. сделки не всегда были равноправными и добровольными. Богатые люди обычно покупают или выменивают соседние домостроения или их часть, увеличивая и округляя таким образом свои владения.

Значительные колебания цен наблюдаются в сделках по купле-продаже пустоней и садов. Доходность финикового сада сильно колеблется в зависимости от его возраста и качества, но сведений об этом в документах почти нет.

Документы о продаже полей в Ларсе редки, но среди этих полей встречаются как общинные, так и служебные наделы. Купля-продажа земли, видимо, не была прямо запрещена или, во всяком случае, не встречала юридических препятствий. Но недвижимость еще не стала нормальным рыночным товаром: экономика еще не выработала представлений о "нормальной" цене недвижимости, а социальная

психология еще не готова была принять свободное отчуждение земли.

В целом степень вовлечения в торговый оборот недвижимого имущества является важнейшим показателем развития товарно-денежных отношений. В раннеклассовом обществе этот процесс развивается очень медленно, с различного рода "зигзагами" и отступлениями для разных видов недвижимости.

Раздел V. Коммерческие операции, их участники и деликты, связанные с коммерческими операциями.

Здесь рассматриваются, прежде всего, проблемы займов, даваемых в рост. Хотя ЭХ устанавливает рост по займам зерном в 1/3, а серебром в 1/5 с суммы займа, в действительности (из-за сезонных колебаний цен) рост на серебро был больше, чем на зерно, как и следовало ожидать в условиях нехватки наличных денег. Сам рост (в основной его форме) был независимым от срока займа (т.е. разовым), хотя существовали и другие его виды. По этой причине для нашего исследования и выбран термин "рост", а не "проценты".

ЭХ уделяют много внимания защите должника против возможных злоупотреблений со стороны кредитора, а также (в интересах того же должника) допускают выплату долга иными ценностями, если он не может вернуть зерно или серебро.

Особое место занимает подробное регулирование взаимоотношений между тамкаром и мамалумсом (торговым агентом). Вавилоняне четко различали рост на вложенный в торговлю капитал и торговую прибыль, которая могла быть весьма значительной. Существовало, видимо, нечто вроде центральной конторы или бухгалтерии, где фиксировались все торговые операции и велся общий для всех торговцев баланс. Защита "слабого" против "сильного" четко видна

в этой группе норм.

Вавилонское право, подобно римскому, запрещает самоуправные действия по взысканию долга.

В нашей работе выявлена разница между заложничеством (непу-ту) и долговым рабством (кишпату). Заложников брал сам кредитор и держал их у себя дома в некоем подобии частной долговой тюрьмы, используя для работы. Бывали, видимо, случаи, когда заложников брали без достаточных оснований. Такие действия специально запрещены законом. Проблема заложничества была, видимо, весьма серьезной: заложники многократно упоминаются в письмах и даже в учебных "письмовниках". Заложников, видимо, брала и администрация – с целью побудить к уплате недоимок и выполнению повинностей.

Что же касается долговых рабов (отданных или отдавшихся в долговую кабалу), то такие отношения возникали на основе соглашения. Такой кабальный (равно как и свободнорожденный человек, проданный в рабство) – работал на своего господина на три года, после чего получал свободу. Так установлено законом, и деловые документы показывают, что это осуществлялось на практике. Кабальный жил у себя дома и обязан был являться к своему господину для работы. Таким образом, положение кабального было лучшим, чем положение заложника.

В целом же для архаических, а иногда и более поздних обществ было характерно крайне жестокое отношение к должникам, поскольку долг обычно ассоциировался с деликтом или даже с преступлением.

В заключительной части этого раздела кратко рассматривается вопрос об общественном положении тамкаров и отмечается, что имеющиеся данные дают основания считать их государственными слу-

жителями. Вместе с тем, объединение тамкаров (карум) несло ответственность за всех своих членов или, вернее, их ответственность перед дворцом была солидарной.

Экскурс VI. Обязательства.

Эта группа текстов занимает одно из центральных мест по своему объему. К тому же мелкие денежные и натуральные займы, видимо, письменно не фиксировались.

Документы, касающиеся займов, в целом подтверждают соответствующие положения ЭХ, но показывают также, каким образом пытались обходить закон (например, выдавать займы с ростом за займы без роста путем включения роста в основную сумму).

В целом из документов видно, что существовали как бы два "этажа" оборота денег и иных материальных ценностей. "Внизу" обращаются доли сикля и соответствующие количества зерна или иных жизненно необходимых товаров. "Наверху" обращаются десятки мин серебра и, очевидно, соответствующие партии товаров.

Последним в этом экскурсе рассматривается чрезвычайно интересное письмо, новая интерпретация которого позволяет выявить, что 1) срок действия "указов" (или "эдиктов") о справедливости" был ограничен временем от одного указа до другого; 2) было трудно получить сколько-нибудь значительный денежный заем даже под солидное обеспечение; 3) судебные клятвы не всегда приносились с чистой совестью; 4) власти вмешивались в процесс ценообразования, т.е. назначали цены.

Раздел VII. Семейное право и связанные с ним деликты.

Законы Хаммурапи устанавливают при заключении брака обяза-

тельность "брачного договора" (без него брак недействителен). Такой договор, вопреки широко распространенной в современной науке точке зрения, не был письменным: письменный договор заключался лишь в особых случаях (при взятии второй жены и т.п.).

Предлободение каралось смертью для обоих его участников - видимо, даже без суда, но лишь при условии, если они схвачены "с поличным". Смертью караются и такие действия замужней женщины, которые, согласно тогдашним взглядам, приравнены к супружеской измене.

Вавилонское право в принципе не допускало развода с женой, родившей детей, если она ни в чем не провинилась. В целом положение замужней женщины в Вавилонии было гораздо лучшим, чем в других древних обществах, например, в Ассирии или в Риме. Хотя Законы Хаммурапи устанавливают чрезвычайно суровые кары за "безнравственное поведение" женщины, они в то же время ограждают ее от произвола мужа, а также признают за ней известную дееспособность.

В нашей работе предложена новая интерпретация § 161, которая, по нашему мнению, запрещает родителям навесить расторгать раз заключенный договор ради более богатого претендента на руку их дочери.

Особое внимание уделено § 164. Большинство исследователей поныне считает вавилонский брак "браком-покупкой". Однако анализ указанного параграфа заставляет прийти к выводу, что имущество, приносимое женой в дом мужа и наследуемое ее детьми, превышало размер "выкупа", который мог и вообще отсутствовать. "Выкуп", следовательно, не экономическое, а чисто этнографическое явление. Обычай этот вызван был к жизни тем обстоятельством, что для

древнего права (и для доправового обычая) продажа – единственный способ передачи патриархальной власти. На деле же происходил обмен дарами, означавший заключение союза между семьями.

Среди прочих норм данного раздела следует также обратить внимание на §§ 175–176. Хотя специально они посвящены вопросу о детях дворцового раба и раба мушкенума, они содержат важные сведения о статусе этих рабов. Такие рабы могли жениться на свободнородных женщинах, которые при этом сохраняли свободу. Дети от такого брака тоже являлись свободными и наследовали приданое своей матери и половину имущества, нажитого в браке (другая половина доставалась господину раба).

Женщины в Вавилонии пользовались известными наследственными правами относительно семейного имущества.

Весьма интересны также нормы, касающиеся усыновления. Новорожденный ребенок мог быть отвергнут своим отцом. В этом случае его сразу же (не отмыв от крови и амниотических вод) передавали для усыновления или просто выбрасывали. Если такой ребенок был подобран и усыновлен, усыновление не могло быть расторгнуто. Ребенок, усыновленный по соглашению с его родителями, мог быть истребован обратно, если усыновитель не исполнил своих обязательств по этому соглашению.

Наконец, здесь рассматривается предложенная Г. Кардашья новая трактовка § 194 ЗХ (об ответственности кормилицы за смерть ребенка) и излагаются доводы в пользу общепринятой его трактовки и в целом вопрос о роли "символического" таллона в ЗХ.

Экскурс VII. „Браки и усыновления“.

Здесь рассматриваются "брачные контракты", которые, как

уже отмечено выше, составлялись в письменном виде лишь в особых случаях. Приведенные здесь документы показывают "жизненную" сторону брачных контрактов, соотношение права с реальной действительностью.

Приведенные в этом же экскурсе документы об усыновлении показывают, что на основе одних и тех же правовых норм фактически сложились два типа усыновления: а) "настоящее" усыновление, с помощью которого бездетный человек приобретает ребенка, т.е. предмет любви, кормильца в старости, наследника, продолжателя рода и осуществителя заупокойного культа; б) "псевдо-усыновление", скрывающее за собой фактическую покушку, приобретение если не рабыни, то служанки.

Отмечено также, что усыновление в Вавилонии в ряде аспектов существенно отличалось от усыновления по современному нам праву. Кровные родители не утрачивали полностью связь со своим отданным в усыновление ребенком, а усыновители не приобретали всего комплекса родительских прав.

Раздел VIII. „Преступления против личности“.

Законы Хаммурапи различают три общественных сословия: общинников – авилумов, царских людей – мушкенумов и рабов. Но лишь в этом разделе такое различие находит четкое выражение. Различие между двумя сословиями свободных людей (авилумами и мушкенумами) было не только юридическим, но и экономическим. Но необходимо учитывать, что социальная психология того времени смотрела на различие между богатством и бедностью несколько иначе, чем теперь. Хотя в образе жизни подавляющего большинства населения существенных различий не было, даже самый бедный авилум был соб-

ственным своим домом и землей, которую он обрабатывал. Муженум (даже зажиточный) был собственником лишь движимого имущества и, следовательно, не "настоящим" собственником. Недаром несколько столетий спустя слово муженум стало обозначать просто "седняк", "нищий". Хотя муженумы и пользовались защитой закона (в некоторых случаях даже более сильной) в экономической области, но там, где дело касалось их личности, Законы Хаммурапи явно относятся к их "второму сорту". Причинение телесных повреждений азиленуму карается по принципу талиона, причинение их муженуму влечет за собой денежное возмещение (правда, значительное), причинение их рабу влечет за собой лишь возмещение убытков его господину.

Главная задача устанавливаемых ЭХ наказаний заключается в том, чтобы удовлетворить потерпевшего морально и материально. Частное предупреждение играет роль второсепенную и является как бы побочным результатом (казненный преступник не сможет повторить преступление). Общее же предупреждение еще только возникает.

Раздел VIII. Операции с движимым имуществом, включая личный найм и деликты в этой области.

Большая часть этого раздела посвящена тарифам наемной платы. Законы Хаммурапи, в отличие от Законов Эшнунны, не устанавливают тарифа цен: составители ЭХ уже понимали невозможность установления таких тарифов раз и навсегда.

Тарифы заработной платы – в основном подъемные, ибо работники нанимались обычно на короткий срок. При полной занятости в течение года наемный работник мог заработать, в зависимости от про-

фессии, от 6 до 11–12 гур зерна в год (6 гур в год примерно соответствуют прожиточному минимуму для одной семьи).

Очень интересно, что найм движимого имущества рассматривается в ЭХ как имеющий нечто общее с наймом рабочей силы. Это видно также и из документов, где говорится о найме работника "у него же самого". Рабочая сила, следовательно, рассматривалась как род движимого имущества.

Деликты, связанные с этим разделом, можно разделить на три группы: а) ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, повлекшее за собой имущественный ущерб и (или) гибель людей или причинение им телесных повреждений; б) злоупотребление имуществом, вверенным нанятому лицу; в) причинение ущерба лицам или их имуществу вследствие неправильного использования своего или арендованного движимого имущества.

Небольшой интерес в этом разделе ЭХ представляют узаконения, касающиеся рабов. Так, Законы Хаммурапи устанавливают, что раб, купленный за рубежом и привезенный в Вавилонию, подлежит освобождению без выкупа, если он – уроженец "Страны" (т.е. Вавилонии). Речь, видимо, идет о человеке, угнанном за рубеж во время вражеского набега. Это положение ЭХ реально действовало, как видно из приводимого здесь текста.

В целом ЭХ рассматривают раба в трех аспектах: как род движимого имущества, как рабочую силу и как носителя рудиментарных личных прав. Вопреки общепринятому мнению, рабы Старовавилонского периода не носили знаков рабства, их накладывали лишь на строптивых рабов, склонных к побегу либо уже совершавших побег.

Экскурс VII. „Наем работников и другие виды личных услуг“.

Из приведенных здесь документов найма видно, что человек Старо-

вавилонского периода рассматривал свою личность как некую собственность, которая может быть на тот или иной срок отчуждена.

Условия найма на одну и ту же работу колеблются весьма сильно. По-видимому, и здесь весьма часто, если не всегда, условия найма определялись конкретными отношениями между нанимателем и наемником, т.е., чаще всего, отношения между кредитором и должником. Тарифы же, содержащиеся в Законах Хаммурапи, относились, видимо, к "чистым" случаям найма и были примерными.

Из этих же документов видно, что имелось значительное количество лиц, готовых наниматься на работы. Однако договоров найма известно немного. Из этого следует, что либо спрос на наемный труд был значительно меньше предложения, либо, скорее, такого рода сделки не всегда оформлялись письменно, особенно в случаях отработки долга.

Экскурс IX. Сделки по поводу рабов.

Вопрос о количестве рабов и степени применения рабского труда в Вавилонии до сих пор вызывает большие разногласия. В документах из Ларсы оказалось довольно много контрактов, так или иначе касающихся рабов.

В сделках по купле-продаже рабов остаются неясными обязанности продавца из-за отсутствия в этих документах стандартного формуляра.

Довольно широко представлены среди наших текстов документы, фиксирующие самопродажу в рабство и продажу родителями в рабство своих детей. Актов о самопродаже больше, но не ясно, в какой степени это отражает реальное соотношение таких сделок. В них говорится, что раб куплен "у него самого". Цены подчас значи-

тельно ниже обычной цены раба, что заставляет предполагать за этими сделками неоплаченные долги, а в одном документе об этом говорится прямо.

Весьма интересен один из представленных здесь документов, упоминающий дворцового раба (такие документы очень редки). Он подтверждает, что дворцовый раб имел семью и имущество, в том числе рабов.

Из документов видно, что рабов, в том числе долговых, отдавали внаем. Но такие документы очень редки. Этот факт является косвенным подтверждением точки зрения, согласно которой рабы Старовавилонского периода – домашние рабы, а сколько-нибудь крупных рабовладельческих хозяйств в указанное время не существует.

Весьма своеобразна группа документов, фиксирующих поручительство за долгового (вернее, кабального) раба. Выше уже отмечалось, что такие рабы, видимо, жили в своем родном доме, а к господину являлись для работы. Поручителями за них являются, как правило, их ближайшие родственники. Старовавилонские долговые рабы во многих случаях – недавние свободные люди, имеющие свободных родичей и сохранившие некие имущественные права (но их имущество остается, вероятно, у свободных родичей). Они вновь вступали во владение своим имуществом после выкупа или освобождения в соответствии с § 117 ЗХ. В реальной же действительности за таким освобождением обычно очень скоро следовала повторная продажа (обычно, за весьма незначительную сумму) и т.д. Здесь, с одной стороны, видна тенденция к превращению долгового и вообще временного рабства в постоянное, а с другой – хорошо виден патриархальный характер старовавилонского рабства.

Заключение.

Здесь кратко формулируются основные выводы диссертации:

1. Политическое развитие в древности проходит через три стадии: город–государство, централизованное государство, империя. Каждая из них имеет собственные специфические признаки.
2. Держава Хаммурапи – первое в истории Месопотамии централизованное государство, а идеология централизованного государства впервые четко сформулирована в "Прологе" Законов Хаммурапи.
3. Право ранней древности возникает в результате борьбы между различными слоями гражданского общества, т.е. борьбы между свободными. Оно в значительной степени ориентировано на "идеальное прошлое". Писаное право как особый жанр клинописного текста возникло из надписей, повествующих о деяниях царя.
4. Законы Хаммурапи, являясь законодательным памятником, представляют дотерриториальную стадию развития права. Вследствие этого им не присуща терминологическая строгость. Они также не содержат ряда абстрактных правовых категорий. Некое представление о них уже было, однако выражалось конкретно–казуистически.
5. Текст Законов Хаммурапи не имеет внутреннего членения, но может быть разбит на отдельные нормы, логически объединяемые в восемь групп норм (разделов). Расположение отдельных норм и переход от одной нормы к другой основаны на принципе ассоциации (смежности).
6. В "Заключении" далее кратко излагаются основные частные выводы, сделанные из анализа восьми разделов ЭХ и экскурсов, в которых анализируются документы соответствующей правовой практики. Отмечаются случаи, когда выводы нашей работы расходятся с общепринятыми взглядами. Эскурсы показывают, что правовая

практика Старовавилонского периода в целом соответствовала духу и букве Законов Хаммурапи.

Разбор текста Законов и сопоставление его с практикой позволяют сформулировать следующий ответ на основной вопрос нашей работы: Законы Хаммурапи были сборником действующего права. Провозглашенное законодателем намерение защищать "слабого" против "сильного" последовательно проводится в жизнь во всем тексте Законов Хаммурапи в пределах социально–психологических категорий эпохи. Установка стел с текстом Законов имела непосредственно практическую цель: дать юридическое руководство для всех, провозгласив правопорядок в целом и в деталях.

Законы Хаммурапи, следовательно, отражают объективную реальность и являются для нас энциклопедией сведений об экономике, культуре, праве и в целом об обществе Старовавилонского периода.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Правовое и имущественное положение воинов редум времени I Вавилонской династии. (Вестник древней истории 2, 1963, переиздано на венгерском языке, 1 а.л.).
2. О характере Законов Хаммурапи как исторического памятника (Тезисы докладов Всесоюзной конференции по древнему Востоку, Л., "Наука", 1968, 0,1 а.л.).
3. Some Problems Connected with the Rise of Landed Property: Old Babylonian Period. Beiträge zur sozialen Struktur des alten Vorderasien. Berlin, 1971, S. 33–37.
4. Рецензия на книгу Ю.Б.Усифова "Элам" (ВДИ 4, 1962, 0,6 а.л.).
5. Законы Хаммурапи (История древнего Востока, М., "Наука", 1983, 2 а.л.; работа выполнена в 1970 г.).

6. Работа над правовыми памятниками древнего и средневекового Востока (Тезисы докладов Всесоюзной конференции по древнему Востоку, Л., "Наука" 1964, 0,2 а.л.).
7. Законы Хаммурапи (История древнего мира, изд. 2-е, т. I, М., "Наука", 1983, 0,3 а.л.).
8. Рецензия на сборник *Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten*, München 1972. *Orientalia* 3/4, 1976, 0,8 а.л.)
9. "Кража" и "грабеж" по Законам Хаммурапи (Палестинский сборник 26, 1978, 0,3 а.л.).
10. Представления о государстве в древней Месопотамии (Древний Восток 3, Ереван, 1969, Издательство АН Арм.ССР, 0,8 а.л.)
11. Регулирование международной торговли по Законам Хаммурапи (Древний Восток и мировая культура. М., "Наука", 1981, 0,25 а.л.).
12. Предисловие к книге Э.Кленгель-Брандт "Путешествие в древний Вавилон" (М., "Наука", 1979, 1,5 а.л.; переиздано на литовском языке).
13. Среднеассирийские законы (перевод с аккадского, комментарий, 1 а.л., Хрестоматия по истории древнего Востока, М., Изд-во "Высшая школа", 1980).
14. Законы Ур-Намму (перевод с шумерского, комментарий, 0,2 а.л., Хрестоматия по истории древнего Востока. М. "Высшая школа", 1980).
15. Законы Хаммурапи (редактирование перевода и комментария, 2 а.л., Хрестоматия по истории древнего Востока, М., "Высшая школа", 1980).
16. Происхождение писаного права в Месопотамии (ВДИ 4,

- 1981, 0,8 а.л.).
17. Новые данные по экономике Старовавилонского периода (Древний Восток IV, Изд-во АН Арм.ССР., Ереван 1983, 0,3 а.л.).
18. Рецензия на книгу И.Клима. Древнейшие законы человечества (на чешском яз.) (ВДИ 4, 1982, 0,5 а.л.).
19. Проблемы типологии государств (Тезисы авторско-читательской конференции ВДИ, М., "Наука", 1981, 0,25 а.л.).
20. Номовые государства, централизованные государства, полисы и империи: проблемы типологии (ВДИ 6, 1982, 1,2 а.л., в соавторстве с И.М.Дьяконовым, которому принадлежат разделы, не относящиеся к Месопотамии).
21. Проблемы изучения истории государства и права Востока, Народы Азии и Африки 2, 1984, 1 а.л.).
22. Заключительное выступление в дискуссии по проблемам изучения истории государства и права Востока (НАА 3, 1984, 0,6 а.л.).
23. Заметки о судебном процессе в Ларсе Старовавилонского периода (Перднеазиатский сборник IV, М., "Наука", 1986, 0,8 а.л.).
24. К.Маркс и проблемы истории государства и права Востока. (Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983-1985, часть I, М., "Наука", 1987, 1,5 а.л.).
25. Месопотамия. Международные отношения III-II тыс. до н.э. (Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке, М., "Наука", 1987, 1,5 а.л.).